Б.Я.ПУКШАНСКИЙ
Санкт-Петербургский государственный горный институт (*технический университет*)

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ «НАУЧНОСТИ» ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФИЛОЛОГИИ

Рассмотрены основные взаимоотношения науки и вненаучных факторов в содержании литературоведческих и филологических наук, специфика научности в этих областях гуманитарного знания.

Major relations of theoretical and extra-theoretical factors in literary theory and philology are dealt with, along with the specificity of theoretism in these spheres of the humanities.

Имеющиеся к настоящему времени исследования гуманитарного знания вообще и гуманитарных наук в частности убедительно свидетельствуют, что одной из специфических особенностей того и другого является их тесная связь с различного рода компонентами вненаучного знания. В подтверждение этого положения обратимся к одному из наиболее авторитетных исследований природы гуманитарного знания – работе А.С.Кармина. «… Специфической чертой гуманитарного знания, есть то, что оно является плодом не только научного, но и вненаучного познания. […] Вмешательство вненаучных факторов в гуманитарное познание, – подчеркивает далее Кармин, – проявляется в том, что оно решает одну дополнительную задачу, которой нет у естественных наук. Если последние устанавливают, описывают и объясняют объективные факты, то в гуманитарном познании факты субъективной реальности, кроме того, еще и оцениваются с точки зрения определенных идеалов. Давать такие оценки явлениям природы бессмысленно».[*]

В связи с этим возникает немало непростых вопросов, в частности: какова мера «научности» гуманитарных наук, какую роль (положительную или отрицательную) играют вненаучные факторы и их влияние на уровень достоверности гуманитарных наук и т.п.

В отличие от естественных наук в социально-гуманитарном научном познании вненаучное обыденное знание выступает не только возможным деформирующим фактором, преодолеваемым в научном исследовании, но и положительным стимулом, задающим этому исследованию определенную направленность, угол зрения.

В этом отношении до сих пор не устарело обсуждение данной проблемы еще в 70-х годах XX века на страницах «Литературной газеты» крупнейшими литературоведами Д.Лихачевым, С.Аверинцевым и Ю.Манном.[**] Главная тема дискуссии – научность литературоведения, о чем говорит само название статьи Ю.Манна «Грани научности». Если для Лихачева проблема научности литературоведения состоит в более жестком разделении научного исследования и его популяризации (статья «Популяризация или исследование?»), то для Аверинцева и особенно Манна эта проблема намного глубже. «Для нашего времени, – пишет Аверинцев, – характерны довольно понятные устремления к «формализации» гуманитарного знания, которая не оставила бы места

[*] *Кармин А.С.* Специфика гуманитарного познания: что такое гуманитарное знание?// Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность: 26 мая 2006 г.: Сб. докл. 1-й науч.-практ. конф. / Отв. ред.: М.П.Горчакова-Сибирская, ЕА.Гусева, И.Б.Гаврилов. СПбГИЭУ. СПб, 2006.

[**] *Лихачев Д.* Популяризация или исследование? // Литературная газета. 1974, 18 сент.; *Аверинцев С.* Наш собеседник – древний автор // Там же. 1974, 16 окт.; *Манн Ю.* Грани научности // Там же. 1974, 23.окт.

для произвола и субъективности в самом анализе, а результаты анализа сделала бы логически принудительными и адекватно сообщаемыми. Однако в состав древней науки филологии, при всей строгости ее приемов, при всей несентиментальности, деловитости и здоровой сухости окружающей ее эмоциональной атмосферы, все же присутствует нечто, по-видимому, фатально сопротивляющееся подобным устремлениям».

Речь идет об очень простой вещи: о том, что всегда именовалось житейской мудростью, или здравым смыслом, или знанием людей, и без чего невозможно то искусство понимать сказанное и написанное, каковым является филология. Житейское знание людей, представляет собой форму знания, достаточно инородную по отношению к тому, что обычно называют «научностью»: неустранимость этого элемента придает всем собственно гуманитарным типам анализа весьма характерный облик. Содержание гуманитарной мысли по- настоящему обнаруживается только при свете жизненного опыта – человеческого опыта. Для филологии слово «понимание» относится к двум разнородным (но пронизывающим друг друга) планам: к научному уразумению и человеческому проникновению, к анализу и диалогу.

С точки зрения Манна проблема научности литературоведения лежит значительно глубже, чем просто переплетение исследовательского и популярного жанров в научной литературе. «Даже если кто-нибудь и решил бы привести различные уровни литературоведения к одному знаменателю, – пишет Манн, – ему бы это едва удалось. Потому что это проистекает из особенностей нашей науки, над которой мы, право же, еще мало задумываемся. А между тем это нужно для прогресса самой науки». Литературоведение, подчеркивает Манн, не может не испытывать влияния различных художественных вкусов. Ведь сам литературовед – прежде всего читатель, то есть человек с очевидным художественным и нравственным опытом. «То, чего исследователь в произведении не чувствует, не видит, не переживает, не откроют ему никакие изощреннейшие приемы структурного или любого другого анализа. Не почувствованное и не пережитое для него просто не существуют. И я, – пишет Манн, – целиком согласен с С.Аверинцевым в том, что без «человеческого опыта» истинный филолог немыслим».

Специфика литературоведения вытекает из особенностей его методологии. Если физика, скажем, видит свой смысл, в общей теории таких, например, явлений как электричество, теплота, сила тяготения и свет, то в основу плодотворного изучения литературы положить всеобщий закон не удается – здесь происходит нечто противоположное: чем более общо, тем абстрактнее и поэтому бессодержательнее. «Есть видимо, в самом характере мышления нашей науки, – продолжает Манн – нечто противящееся сниманию «итогов» и «конечных формул». Отсюда следует еще одна важная специфика гуманитарной науки – проблема более сложного отличия истины от заблуждения. В естественных науках значимость конечного вывода столь велика, а связь всех частей исследования столь ощутима, что превратное понимание не может длиться долго. В нашей же науке случайно выхваченное суждение приобретает видимость самостоятельности. Это – наиболее серьезная проблема не только литературоведения, но всех гуманитарных наук.

Таковы некоторые общие соображения о взаимоотношении науки и вненаучных компонентов в современных литературоведческих и филологических областях научного знания.